СТАЛИНИАНА В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.070
УДК 929 Сталин : 39 + 821.111:39

Т. Н. Красавченко
*Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН
Москва, Россия*

ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ: БРИТАНСКАЯ СТАЛИНИАНА ОТ ШОУ И УЭЛЛСА ДО САЙМОНА СЕБАГА МОНТЕФИОРЕ

В этой междисциплинарной статье исследуется литературная и историографическая традиция восприятия в Великобритании личности И. В. Сталина — с начала 1930-х гг. по настоящее время. Основная траектория этой традиции — движение от мифа, импрессионизма, иллюзий у Бернарда Шоу и Герберта Уэллса к откровениям журналистов Гарета Джонса и Малкольма Маггериджа, к прозорливому, художественно впечатляющему творчеству Артура Кестлера и Джорджа Оруэлла и далее — к современным историкам и писателям — Роберту Конквесту, Мартину Эмису, Дональду Рейфилду и Саймону Себагу Монтефиоре, которые, основываясь на архивных документах, исследуют феномен личности Сталина со своих культурно-цивилизационных позиций. Они создают порой амбивалентный образ Сталина как человека, но в целом негативно оценивают его роль в истории России и видят в нем политика-неудачника, губившего свой народ. Был ли Сталин великим человеком? Британский философ Исайя Берлин считал, что великий человек не добр и не зол, важно, что он меняет ход событий — историю, а Сталин изменил историю России, поэтому он — великий человек. Но ход истории изменили и Гитлер, и менее масштабная личность — Гаврило Принцип, который, убив австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, инициировал Первую мировую войну, — но были ли они великими? В контексте русской культуры и истории в понятии «великий человек» содержится позитивное этическое качество, а «гений и злодейство — две вещи несовместные».

Ключевые слова: британская сталиниана; миф; демифологизация; культурно-цивилизационный подход.

Советская Россия с 1917 г. — «пространство», на которое проецировались мечты «левых» британцев. Сначала на первом плане для них были Октябрьская революция и Ленин. С конца 1920-х — начала 1930-х гг. фигурой номер один стал Сталин. В этот период примечателен взгляд на него Бернарда Шоу и Герберта Уэллса.

Шоу, поначалу фабианец, сторонник перехода к социализму путем выборов, позднее разочаровался в парламентской демократии, неспособной преодолеть социальное неравенство, войны, безработицу. Вывод Шоу — «проблемы решают» диктаторы: в Италии — Муссолини, в Германии — Гитлер, путь к утопии лежит через диктатуру. В июле 1931 г. он провел одиннадцать дней в СССР, 29 июля встретился со Сталиным. Тот показался ему добродушным грузинским джентльменом. Видя в «коммунистическом эксперименте» спасение от «коллапса и распада» цивилизации, Шоу вернулся домой поклонником Сталина — «практичного государственного деятеля» [Stalin — Wells Talk, p. 26]. Шоу ценил практичность власти: «Я сужу о Муссолини, Кемале, Пилсудском, Гитлере <...> по их способности обеспечить товары, а не по представлениям о свободе. Сталин обеспечил товары так, как еще десять лет назад было невозможно; и я снимаю перед ним шляпу» [Ibid., p. 47]. В 1933 г. в разгар голода в СССР Шоу в открытом письме в газету «Manchester Guardian» утверждал: в СССР нет экономического рабства, лишений, голода, безработицы [Shaw]. Он воспринял пакт Молотова — Риббентропа как триумф Сталина [Geduld, p. 15–16]. По мнению Стэнли Вайнтрауба, американского издателя записных книжек писателя и автора книги «Неожиданный Шоу» (1982), Шоу знал, что перед ним диктатор и фантастическая театральная постановка коммунизма [Weintraub]. Но, как и многие левые на Западе, верил в то, во что хотел верить, тем более что был принят в СССР как «королевская особа», о чем сказал послу СССР в Великобритании (1932–1943) И. М. Майскому [Майский, с. 27], хотя понимал — не всё так просто, ибо добавил: «Ваша революция — трагедия, комедия, мелодрама все вместе, поставленные на гигантской сцене» [Там же, с. 28]. Летом 1948 г. (ему было 92) он уверял лондонскую приятельницу Элеонор О'Коннелл: «Единственная страна подлинной свободы — это Россия. Величайший из ныне живущих — Сталин...», а та иронизировала: живи Шоу в России, был бы давно расстрелян [Weintraub]. Но его вера в «сталинский миф» была непоколебима.

* * *

23 июля 1934 г. со Сталиным встретился в Москве Уэллс. Их беседу опубликовал 27 октября британский «левый» еженедельник — «New Statesman and Nation», где против Уэллса выступил Шоу, а в его защиту — экономист Джон Мейнард Кейнс. Материалы дискуссии были изданы в брошюре «Беседа Сталина с Уэллсом» [Stalin — Wells Talk].

Социалист «собственного образца», одержимый идеей мирового государства, Уэллс, после обсуждения с Ф. Д. Рузвельтом его «Нового курса» — экономической

политики (с 1933 г.), направленной на преодоление Великой депрессии, усмотрел в советском пятилетнем плане симптомы глобальной плановой экономики как основы интернационализма. И предложил Сталину найти общий язык с американским президентом [Stalin — Wells Talk, p. 4]. Но Сталину его реформы казались лишь мерами по спасению капитализма. Уэллс пытался объяснить, что классовая борьба, диктатура пролетариата устарели и отталкивают от социализма авангард прогресса — ученых, инженеров [Ibid., p. 26]. Но Сталин видел в них лишь подспорье пролетариата. Вопрос о свободе слова в СССР Сталин словно не понял и ответил: «самокритика» в России широко распространена [Ibid., p. 18]. Кейнс сравнил его с «граммофоном»: Уэллс напрасно старался «снять пластинку и поговорить как живые люди» [Ibid., p. 30]. В книге «Опыт биографии» (1934) Уэллс заметил: «Сталин, взращенный на доктринах Ленина и Маркса, почти так же ограничен, как вышколенные сотрудники британской дипломатии. <...> Иногда мне удавалось поколебать его, но ощутив зыбкую почву, он прибегал к проверенной фразе и ортодоксальным взглядам». Тем не менее, по словам Уэллса, он «не встречал человека более значительного; именно это, а не что-то таинственное, зловещее, объясняет его огромную власть в России». А в конце Уэллс высказался противоречиво: «...под руководством Сталина Россия не только подверглась тирании и пришла в упадок, он все-таки управляет ею, и она делает успехи» [Wells, p. 685–690]. Так что же все-таки — «тирания и упадок» или «успехи»?

Британская пресса критиковала Уэллса за почтительность в разговоре со Сталиным. А Шоу показалось, что для Уэллса Сталин — личность «второго сорта» и ему надо извиниться [Stalin — Wells Talk, p. 40]. Уэллс назвал его «глухим» [Ibid., p. 37]. В отношении к Сталину проявилось свойственное Шоу преклонение перед сильными личностями.

Дискуссия обнажила разногласия в среде британских «левых». Социалисты-фабианцы Сидни и Беатрис Веббы опубликовали книгу «Советский коммунизм: новая цивилизация?» (1935) — в последующих изданиях вопросительный знак исчез. А журналист из Уэльса Гарет Джонс (1905–1935) писал о Сталине «как о самом ненавистном человеке в России» [Jones, p. 12] и в пресс-релизе 29 марта 1933 г., перепечатанном во многих британских и американских газетах, предал гласности данные о голоде в Сибири, Белоруссии, Центральной Азии, на Украине и Северном Кавказе. О том же писал в «Manchester Guardian» в 1933–1934 гг. и ее корреспондент в Москве — журналист и писатель Малкольм Маггеридж (1903–1990), в романе «Зима в Москве» (1934) сатирически представивший «советскую утопию» [Muggeridge]. Налицо были две позиции: приятие и неприятие сталинского режима. Уэллса из-за его двойственности критиковали обе стороны.

* * *

Следующий важный шаг к пониманию личности Сталина и механизма его власти сделали писатели Артур Кестлер и Джордж Оруэлл.

Кестлер в 1932–1933 гг. год провел в СССР. В сентябре 1938 — апреле 1940 г. он написал ставший знаменитым, изданный в 1941 г. в Великобритании роман «Слепая тьма», где, избегая точных реалий, назвал СССР «Страной Победившей Революции», Сталина — «Первым», Ленина — «Стариком с татарским прищуром», нацизм — «Диктатурой», коммунизм — «Движением». Обычно в центре внимания критиков, писавших об этом романе, созданном по следам московских судебных процессов 1936, 1937, 1938 гг., был Николай Рубашов, «идеалист и циник», жертва и палач — «художественная контаминация» персонажей «московских процессов» — Бухарина, Раковского, Мрачковского и др. Но они не обратили внимания на созданную в романе атмосферу жизни в «Стране Победившей Революции», на образ «Первого», чей портрет «висел над каждой кроватью во всех городах и деревнях страны, прицеливаясь в людей неподвижным взглядом» [Кестлер, с. 44]. Проработав много лет за рубежом, Рубашов, вернувшись, видит перемены: Старика с татарским прищуром «нарекли Богом-Отцом, чтобы объявить Первого Сыном» [Там же, с. 87], так он определяет квазирелигиозную природу большевизма. В облике Первого примечательна «усмешливая, *сатанински*-мудрая ирония» (курсив мой. — Т. К.) [Там же, с. 88] в глазах. Рубашов испытывает к Первому и этическое, и эстетическое отвращение. При воспоминании о встрече с ним, евшим холодный полдник, лицо Рубашова «искривилось невольной гримасой отвращения» [Там же, с. 226] — за «холодным полдником» крылся лишенный тепла образ жизни.

В романе показана трагедия страны, где Первый и большевики «сознательно обрекли на голодную смерть около пяти миллионов крестьян, — и это только за один год <...>, заслали в глухоманные восточные леса и на страшные рудники арктического севера около десяти миллионов человек» [Там же, с. 187]. «Мы гоним, — говорит Рубашов следователю, — хрипящие от усталости массы — под дулами винтовок — к счастливой жизни, которой никто, кроме нас, не видит» [Там же, с. 189].

Кестлер пишет и об антифашистском движении в Европе и в двух эпизодах — в нацистской Германии и в Бельгии — раскрывает его трагедию, разоблачая сталинскую политику поддержки нацизма в Германии. В эссе «Советский миф и реальность» Кестлер признал, что сталинский режим не имеет ничего общего с социализмом, как его видят западные интеллектуалы [Koestler, p. 133]. И в романе, и в послесловии к нему писатель обозначил глубинное подобие сталинской и гитлеровской диктатур [Кестлер, с. 303].

«Эстафету» у Кестлера «подхватил» Оруэлл. Его антисталинизм сформировался во время Гражданской войны в Испании, где с конца 1936 г. он воевал в отряде Рабочей партии марксистского единства — ПОУМ, которую в июне 1937 г. по указанию Сталина из-за ее антисталинской направленности объявили «троцкистской», хотя троцкистов в ней не было. И пока 29-я дивизия ПОУМ сражалась против Франко на Арагонском фронте, в центре ПОУМ — Барселоне — прошла операция по уничтожению партии. Оруэлл наблюдал поражение Республики не только из-за военного превосходства Франко, поддерживаемого

Гитлером и Муссолини, но и из-за агентов НКВД, натравливавших республиканцев друг на друга и расправлявшихся с независимыми. Оруэлл описал это в документальной повести «Памяти Каталонии» (1938) и очерке «Вспоминая войну в Испании» (1943, полностью 1953). Он разоблачил двуличие Сталина, не одобрявшего народную революцию в Испании. К 1940-м гг. СССР для Оруэлла диктатура, основанная на культе личности Сталина и терроре, враждебная демократическому социализму — в него писатель верил до конца дней своих.

Продолжая традицию Свифта, Оруэлл в аллегорической повести «Скотный двор» (1945) изобразил пролетарскую революцию в России и ее последствия как историю животных, прошедших путь от восстания и свободы к диктатуре кабана по кличке Наполеон, т. е. от идей всеобщего равенства и построения утопии к диктатуре и тоталитаризму, где лозунг «Все животные равны» сменяется лозунгом: «Все животные равны, но некоторые равнее других...» [Orwell, 1965, p. 114].

В 1949 г. писатель опубликовал антиутопию, или дистопию, «1984». В ней много перекличек с романом Кестлера и аллюзий на СССР. В Лондоне, главном городе Взлетной полосы, третьей по населению провинции сверхдержавы Океания, везде развешаны портреты Старшего Брата — человека лет сорока пяти, с густыми черными усами, и «куда бы ты ни встал, его глаза тебя не отпускали» (здесь и далее перевод В. Голышева) [Orwell, 1964, p. 5]. Голос на телеэкране говорит о выплавке чугуна, о перевыполнении девятого трехлетнего плана — в духе передач советского радио и телевидения. Из сталинского времени мотив бежавшего из страны врага народа — Эммануила Голдстейна (параллель с Троцким), мотив чисток [Ibid., p. 38], идея «распыления» человека — уничтожения его и физически, и памяти о нем, мотив дефицита продуктов и необходимых товаров или низкого их качества; отсюда же — идея убогой пуританской жизни и крайняя неэстетичность среды — все тусклое, обшарпанное, грязное. «Не будет иной верности, кроме партийной» — мотив, намеченный у Кестлера, здесь постоянен: «К каждому человеку круглые сутки приставлен осведомитель — его близкий» [Ibid., p. 109–110]. На узников в «министерстве любви» воздействуют, как и в НКВД — бессонницей, допросами, избиением, ярким светом в глаза. Знакома и социальная иерархия: партийцы «внутреннего круга» живут иначе, чем обычные члены партии и пролы (пролетариат). Главную опасность тоталитарного государства Оруэлл видит в самоценности и иррациональности власти в нем. И для человека нет иного выхода, как сдаться, смерть неизбежна — жить в этом мире невозможно.

Кестлер и Оруэлл предварили будущие историографические исследования и художественные произведения о Сталине.

* * *

Последовательное, получившее общественный резонанс изучение Сталина и его времени в Великобритании и США началось, пожалуй, с Роберта Конквеста (1917–2015), поэта и историка. Широкую известность принесла

ему книга «Большой террор: сталинские чистки 30-х» (1968). Не он первый написал о сталинском терроре, но он сделал это убедительно, ярко — за четыре года до первого тома «Архипелага ГУЛАГа». В основе книги — официальные протоколы московских процессов, материалы советских переписей населения, рассказы эмигрантов, перебежчиков, «фабрика слухов». Конквест доказал, что мишенью репрессий были не только политические противники Сталина, как долго считали на Западе, «московские процессы» — верхушка айсберга, террор — суть режима, погубившего 20 миллионов [Conquest, 1990]. Позднее советские архивы подтвердили факты, приведенные Конквестом.

Он оспорил близкое многим «левым» на Западе мнение Хрущева: Сталин и репрессии противоречили ленинским нормам. Для Конквеста сталинизм — закономерное продолжение ленинской системы. Любитель сатирической и юмористической поэзии, он выразил свою позицию в лимерике (пятистишии абсурдистского содержания):

Был великий марксист Ленин,
Он угробил два или три миллиона людей.
Много угробил.
Но там, где он угробил миллион,
Великий марксист Сталин угробил десять.

[цит. по: Brown]

Из последовавших трудов Конквеста наиболее широкий резонанс имела книга «Жатва скорби: Советская коллективизация и голодомор» (1986) — о расплате крестьян за индустриализацию. Спровоцированный политикой Сталина голодомор Конквест считал таким же террором, как и массовые расстрелы: между 1929 и 1933 годами от голода умерли 11 миллионов человек, и еще 3,5 миллиона умерли в лагерях [Conquest, 1986].

В книге Конквеста «Сталин, губитель народов» [Conquest, 1991] вождь предстает «глиняным колоссом», автором «большой лжи», «жестоким экспериментатором»; масштаб разорения им страны контрастирует, на взгляд Конквеста, с его интеллектуальным и нравственным ничтожеством, но он более, чем другие политические деятели, определил ход XX в. Это и привлекает к нему внимание писателей и историков.

* * *

Для Мартина Эмиса (род. 1949), одного из наиболее видных современных английских писателей, Сталин после книг Конквеста (он был другом его отца — писателя Кингсли Эмиса) перестал быть загадкой. В названии книги Эмиса «Коба Грозный: смех и двадцать миллионов» (2002) сочетается прозвище любимого царя Сталина и его революционный псевдоним, заимствованный из повести Александра Казбеги «Отцеубийца» (1882), где Коба — абрек, переживший врагов и друзей. В «Кобе...», исторической хронике и автобиографическом эссе, Эмис, западный интеллектуал, пытается понять ад сталинизма, «примерить»

его на себя. Книга содержит «свод» советских ужасов: мясорубка Гражданской войны, голод 1922 г., «война» против крестьян, чистки 1937–1938 гг., ГУЛАГ, послевоенные преследования евреев. М. Эмис считает Сталина фатальным неудачником. В коллективизации он видит самый большой провал в советской истории: «Сталин разрушил село до скончания века» [Amis, 2002, p. 121], а быстрая индустриализация провалилась. «Так, Беломоро-Балтийский канал, построенный <...> сотнями тысяч заключенных, не мог обслуживать многотонные суда» [Ibid., p. 146]; в городах не хватало предметов первой необходимости. «86,5 % населения страны были бедны» [Ibid., p. 49]. Не обезглавь Сталин советскую армию, не «поверь» он Гитлеру, «Россия победила бы Германию за несколько недель, что спасло бы жизни <...> 40 миллионам россиян, а также многим жертвам Холокоста» [Ibid., p. 207]. Сталин и его «счастливая» реальность были поддельные, фейковые, вне здравого смысла [Ibid., p. 9]. На митингах люди говорили о своей хорошей жизни и верили в это вопреки фактам. Двоемирие — особенность сталинской системы [Ibid., p. 152–153]. Эмиса поражает разное отношение на Западе к нацизму и большевизму, оправдываемому благородством идей Ленина и Троцкого, хотя Сталин шел по тропе жестокости, проложенной ими [Ibid., p. 250].

Критика увидела в сочетании слова «смех» с гибелью 20 миллионов людей оскорбление их памяти, постмодернистскую конструкцию. Но, по мнению Эмиса, сталинизм вызывает мрачный смех, порожденный абсурдом и отчаянием; история России между 1917 и 1953 г. — «черный фарс» [Ibid., p. 267]. Сталин был везде: пик Сталина, Сталинград, шесть городов и поселков Сталино, Сталинск, Сталинабад, Сталиногорск, поселок Сталинский, Сталинский залив. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» Сталин находил решение всех проблем [Ibid., p. 240]. Фарсом были выборы депутатов с одним кандидатом в бюллетене и экономическая ситуация в стране [Ibid., p. 191].

Страдания миллионов людей сталинского времени переплелись с переживаниями писателя по поводу смерти отца в 1995 г., а через четыре года младшей сестры. Именно смерть сестры дала Эмису импульс к созданию книги о двадцати миллионах, он ощущает каждого из них как человека, имевшего сестер, братьев, родителей... Сталин сделал смерть анонимной: смерть одного человека — трагедия, смерть миллионов — статистика. Вторая половина афоризма, на взгляд Эмиса, ложна: «миллион смертей — это миллион трагедий», а также травма для близких человека: чтобы понять масштаб трагедии, двадцать миллионов надо умножить несколько раз [Ibid., p. 277].

Тема не отпускала Эмиса, и он написал роман «Дом свиданий» (2006) — о трагедии сталинизма в жизни конкретных, хоть и вымышленных, людей. Это не лучший из его романов; тому, кто читал, например, Варлама Шаламова, роман покажется несколько искусственным, персонажи и диалоги порой неестественны, но он перекликается с «Кобой»: сталинский режим ломает жизнь людей, прошедших ГУЛАГ, и жизнь их близких [Amis, 2006].

* * *

«Час» историков наступил с открытием в 1989 г. российских архивов. Прежде Сталин, скрывавший свою биографию и убравший неудобных свидетелей, был непостижим, образ его мифологизировался. В нем видели вождя народа, одержавшего победу над Гитлером, для многих «левых» он был полубогом. Однако благодаря Л. Троцкому в британской историографии закрепился образ малообразованного Сталина, «пропустившего революцию», интригана, «задвинувшего» блестящих революционеров. После 1989 г. возник более сбалансированный портрет Сталина. Профессор Оксфордского университета Роберт Сервис (род. 1947) в биографии (2004) представил Сталина как политика, сына, поэта, мужа, отца и опроверг мнение о его второстепенной роли в революции: в 1917 г. тот был в центре событий в Петрограде, играл неброскую, но важную роль, и стал наследником Ленина в своем отношении к государству как орудию террора.

Как Конквест и Эмис, Сервис признает роковые просчеты Сталина, чуть не погубившие страну в 1941 г., его полководческую некомпетентность, но при этом он умел слушать профессионалов-военных — Жукова и др. — и вести переговоры с Черчиллем и Рузвельтом, его реальная роль в победе была умеренной: главная роль принадлежала военным стратегам и народу.

Сталин, возможно, слишком необычный, иррациональный персонаж для Сервиса, который создал его многомерный портрет. Он кажется «интеллектуалом» [Service, p. 92], ибо много читал, печатал статьи в партийной прессе, а его популяризаторские работы Сервис оценивает выше работ Ленина. Ученый пытается соблюсти равновесие между Сталиным, одиноким, несчастным человеком, и чудовищем, развращенным абсолютной властью и угробившим свой народ, но весы склоняются к чудовищу. Порой Сервис непоследователен. Так, по его словам, «Сталин не страдал психозом» [Ibid., p. 343], но бывал подвержен «серьезным личностным расстройствам», «не владел собою» [Ibid.], был «разбалансированной личностью» [Ibid., p. 344], «психически одержимым» [Ibid., p. 379]. В конце книги Сервис признает, что чудовище в потертой одежде и изношенных сапогах, умиравшее в одиночестве на даче, остается для него загадкой.

* * *

Исследователи ищут ключи к Сталину в его грузинском прошлом. Знаток грузинской культуры Дональд Рейфилд (род. 1942) в исследовании с публицистической тональностью — «Сталин и его подручные» (2004) — пишет о болезнях и травмах Иосифа Джугашвили в детстве: в 1884 г. он переболел оспой, получил прозвище Чопура (Рябой), а вскоре попал под карету: от заражения крови у него чуть не отсохла левая рука. Болезни, физические и душевные, не объясняют, почему позднее Сталин истреблял целые классы и сословия, но помогают понять его раздражительность, «внезапные бешеные приступы гнева» [Rayfield, p. 47]. Сталин, на взгляд Д. Рейфилда, разделял мнение грузинских просветителей о мессианском назначении Грузии и считал себя представителем избранного народа [Ibid., p. 14]. История средневековой Грузии подсказала ему тактику

захвата и сохранения власти. Грузинские цари ставили интересы государства выше всего и губили душу (Давид Строитель, Теймураз I), чтобы спасти царство. В убеждении, что человек пресмыкается в грязи, таится «самое ядовитое в безбожном и одновременно религиозном мировоззрении Сталина» [Rayfield, p. 16–17]: потеряв веру в Бога, Сталин сохранил кальвинистские взгляды на грех, благодать и проклятие [Ibid., p. 20]. Его одержимость литературой, учеными, его завистливое честолюбие зеркально отражает характер такого грузинского царя, как Теймураз [Ibid., p. 17]. В юности Сталин «опубликовал на грузинском шесть стихотворений <...>. Психиатры поразились бы обилию в них символов депрессии и болезненной мнительности». Излюбленные глаголы поэта выявляют его склонность к насилию: «вешать, разить, схватить» [Ibid., p. 18].

По мнению Рейфилда, Сталин вряд ли пришел бы к власти без поддержки председателя ЧК Дзержинского [Ibid., p. 56]: его привязанность к Сталину объяснялась паническим страхом, что без Сталина партия распадется [Ibid., p. 94]. Не без иронии Рейфилд характеризует Сталина как гениального «начальника кадровой службы» — он умело подбирал «нужных» палачей (Вячеслав Менжинский, Генрих Ягода, Николай Ежов) [Ibid., p. 124].

Рейфилд также перечисляет провалы Сталина, проявившего себя как горе-стратег еще в 1920 г.: обещал Ленину победу над поляками, но слава досталась Пилсудскому, а ему — позор, и через двадцать лет за его промахи заплатились жизнью 22 тысячи пленных польских офицеров в Катыни [Ibid., p. 88]. В 1937 г. Сталин избавил страну от ее лучших генералов (Тухачевский, Блюхер, Якир, Уборевич и др.), ибо армия казалась ему силой, способной свергнуть его [Ibid., p. 313]. Он разгромил Коминтерн, объявив его рассадником троцкизма и космополитизма, и бросил иностранных «коммунистов на растерзание ежовским волкам» [Ibid., p. 316–317].

Рейфилд пишет и о попытке «социальной инженерии» при Сталине — создании человека нового типа — советского человека [Ibid., p. 262], любящего Сталина больше своих близких. Последние семь лет правления вождя ученый характеризует как атеросклероз в буквальном и переносном смыслах. Паралич мысли и инициативы, в конце концов, разваливший Советский Союз, вытекал из сталинских методов [Ibid., p. 413–414].

* * *

Саймон Себаг Монтефиоре (род. 1965) — особое явление в британской сталиниане: в нем историк сочетается с писателем. В книге «Сталин: Двор красного монарха» [Sebag Montefiore, 2003 (рус. перевод — 2005)], хронике жизни уже достигшего власти вождя — до его смерти в марте 1953 г., Монтефиоре стремится раскрыть характер Сталина, способного подписать смертный приговор тысячам невинных людей и пойти в личный кинозал — смотреть вестерны. В самоубийстве его второй жены Надежды Аллилуевой 9 ноября 1932 г. Монтефиоре видит событие, оборвавшее ближайшую и, возможно, последнюю его человеческую связь: до этого у него была любящая семья, после — он стал

подозрительнее и мстительнее. Жизнь при его «дворе» Монтефиоре рисует как «театр ужасов», вождь был непредсказуем, иррационален, его окружение жило в постоянном страхе. Однако Сталин Монтефиоре не лишен обаяния, чувства юмора, он хорошо пел, любил книги, кино, но был одинок, страдал псориазом, ревматизмом, паранойей, был одержим своей ролью в истории, погубил все свои любовные и дружеские отношения, смерть считал решением любой проблемы. В сталинских репрессиях «20 миллионов убито, 28 миллионов депортировано, из них 18 миллионов рабски трудились в ГУЛАГе» [Sebag Montefiore, p. 643].

В книге «Молодой Сталин» (2007, рус. перевод — 2014) Монтефиоре показал, как Сталин стал Сталиным. Он, как и Д. Рейфилд, представил его кавказцем, способным очаровать кого угодно [Sebag Montefiore, 2008b, p. 8]. Семья Иосифа (Сосо) была бедной, неблагополучной — родители разошлись в начале 1890 г., Виссарион Джугашвили (по слухам, он не был его отцом) из преуспевающего сапожника превратился в алкоголика. Обожаемый матерью, умный, высокомерный Сосо считал, что всегда прав. Ему было чуждо сочувствие, близость, нравственность [Ibid., p. 79]. В Тифлисской семинарии он научился «слежке, издевательствам», стал марксистом-атеистом [Ibid., p. 73]. Но его исключили из нее потому, что подняли плату за обучение, и он не смог платить.

Монтефиоре описывает, как Сталин, будучи вождем революционеров на Кавказе, кроме агитации среди рабочих, занимался поджогами, рэкетом, похищением людей, шантажом нефтяных баронов, грабежом банков; с 1906 г. он три года секретно был «главным финансистом» тайного Большевицкого центра, созданного Лениным [Ibid., p. 1, 137, 167–168]. С ограбления Тифлисского банка в 1907 г. и «начался Сталин» — безжалостный человек действия, «именно такой» и был нужен Ленину» [Ibid., p. 14]. Ленин и Сталин «происходили из разных миров — у одного были манеры дворянина, у другого — крестьянина, но мыслили они сходно» [Ibid., p. 229–230]. Сталина бы не было, если б Ленин не победил в споре с Каменевым (тот настаивал на включении меньшевиков и эсеров в правительство) и не создал механизм для безграничной власти [Ibid., p. 370]. Ее получил «человек, сочетавший привычку к насилию и идейность — бандит и убежденный марксист», веривший в необходимость беспощадной власти для претворения утопии в жизнь [Ibid., p. 370–371, XXVIII]. Но для «отца народов» у него было слишком много преступлений и слишком много грузинского для российского лидера. Ради «правильной» биографии одна правда выдумывалась, «другая искажалась или скрывалась» [Ibid., p. XXIX].

Монтефиоре приводит важную для будущего деталь: планируя грабежи, Сталин использовал оловянных солдатиков и в результате стал считать себя «человеком военным», настоящим верховным главнокомандующим», о чем писала его дочь Светлана [Ibid., p. 159–160].

Написанные живо, как роман, — с прямой речью из мемуаров, документов, — остросюжетные книги Монтефиоре стали бестселлерами. Литература документа (non-fiction) становится интереснее литературы вымысла (fiction). Но Монтефиоре, как и Эмису, стало тесно в рамках жанра документа. И в романах «Сашенька»

[Sebag Montefiore, 2008a] и «Одна зимняя ночь» [Sebag Montefiore, 2013] он показал «ужас в пригоршне праха» — повседневную жизнь СССР при Сталине, вторжение тоталитарного государства в сферу любви и семьи. В этих романах — «семейной саге» и «политическом триллере» — Сталин — центральная фигура, нависающая над персонажами и страной, в первом романе он — ханжа-палач, во втором — пронизательный садист, понимающий, что нет более мощного средства для манипулирования людьми, чем угроза жизни их детей.

* * *

Британская сталиниана адресована западному читателю. Россия — часть Европы и естественны обеспокоенность, равнодушие к тому, что в ней произошло и происходит. М. Эмиса возмущает то, что на Западе знают об Освенциме, Гиммлере, но не о Воркуте и Соловках, о Дзержинском и Ежове. Его, как и Конквеста, раздражает неспособность западных интеллектуалов избавиться от прокоммунистических иллюзий и отнестись к сталинизму с ужасом и отвращением, как к нацизму. Д. Рейфилда равнодушие Европы и Америки к трагедии русского крестьянства наводит на мысль, что, они, как Ленин, Сталин и Менжинский, считали его низшей расой. Преодолев экономическую депрессию 1929 г. частично благодаря советским заказам, оплаченным кровью миллионов крестьян, Запад молчал, Рейфилд считает это позором западной цивилизации [Rayfield, p. 184]. И все сознают: пока Россия не избавится от «сталинского наследия», она будет духовно больной, населенной призраками Сталина и его подручных, под тенью кошмара их воскресения [Ibid., p. 458].

Россия привлекает британских историков как страна, в отличие от Британии, нерегламентированная, в которой предельные ситуации, борьба за выживание, за достоинство — норма. Но несмотря на высокий профессионализм, они не могут преодолеть культурно-цивилизационные барьеры. Отсюда у Р. Конквеста — взгляд на русских как «марсиан», в книге Р. Сервиса — некоторая «непереваренность» чуждого материала, тяжеловесность, противоречивость; у М. Эмиса — фальшивые ноты в попытке вжиться в чужую боль; у Монтефиоре, заметившего: «Мне нравится яркость, мелодрама, кровавый театр русской истории» [Grice] — взгляд на жизнь при Сталине как на триллер с элементами «голливудского лоска». Британских исследователей изумляет: почему Сталин, опиравшийся на группу циников и моральных уродов, не столкнулся с сопротивлением? Но тут же находится ответ: «В Советском Союзе <...> тот, кто отказывался участвовать в охоте на реальных или мнимых врагов <...> сам становился врагом и подлежал уничтожению [Rayfield, p. XX]. Тем не менее, Монтефиоре находит трещины в монолите тоталитаризма: в романе «Сашенька», хоть и трагическом, человек выстаивает.

Взаимодействие культур рождает неожиданные повороты. Так, Сервис и Монтефиоре называют Сталина интеллектуалом. По словарю Вебстера основное значение этого слова — человек, «занимающийся исследованиями и интенсивной умственной деятельностью, требующей творческого использования

интеллекта» [Webster, p. 440]. В XX в. западное «интеллектуал» и русское «интеллигент» накладываются друг на друга, в понятие «интеллектуал» привносится *нравственно-этический смысл*. Ленин в разговоре со своей сестрой Марией признал: «Сталин “не интеллигент”» [Service, p. 191]. Эмис ссылается на рассказ югославского политика Милована Джиласа: «Сталин во время показа фильма в Кремле комментировал его как необразованные люди, принимающие художественную реальность за подлинную» [Amis, 2002, p. 171] — он был примитивен, у него не было развито эстетическое чувство. А его узкий идеологический кругозор отметил еще Уэллс. По типу личности Сталин, возможно, ближе к простонародному тирану из повести Г. Гарсиа Маркеса «Осень патриарха».

Был ли Сталин великим? По мнению британского философа Исайи Берлина, велик тот, кто «меняет ход каким-то доскональным образом», и Сталин — «великий человек. Переменил историю России» [Найман, с. 295]. Но ход истории изменили и Гитлер, и менее масштабная личность — Гаврило Принцип, убивший эрцгерцога Франца Фердинанда и инициировавший Первую мировую войну, — но были ли они великими? К тому же «гений и злодейство — две вещи несовместные» (А. С. Пушкин).

Источники

- Кестлер А.* Слепая тьма / пер. А. Кистяковского. М. : Новая газета, 2011.
- Майский И. М.* Из воспоминаний о Бернаде Шоу и Герберте Уэллсе. М. : Правда, 1973.
- Найман А. Г.* Сэр. М. : ЭКСМО, 2002.
- Amis M.* Koba the Dread: Laughter and the Twenty Million. New York : Vintage, 2002.
- Amis M.* House of Meetings. London : Jonathan Cape, 2006.
- Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and Terror-Famine. New York : Oxford Univ. Press, 1986.
- Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. Oxford : Oxford Univ. Press, 1990.
- Conquest R.* STALIN: Breaker of Nations. London : Weidenfeld and Nicolson, 1991.
- Grice E.* «I used to be the most shambolic person...» Simon Sebag Montefiore [Electronic resource] // Telegraph. 2017. 13 April. URL: <https://www.telegraph.co.uk/News/Features> (accessed: 31.05.2017).
- Jones G.* Famine in Russia. Englishman's Story. What He Saw on a Walking Tour // Manchester Guardian. 1933. March 30. P. 12.
- Koestler A.* The Yogi and the commissar. London : Jonathan Cape, 1945.
- Muggeridge M.* Winter in Moscow. London : Eyre and Spottiswood, 1934.
- Orwell G.* Nineteen Eighty Four. Harmondsworth : Penguin Books, 1964.
- Orwell G.* Animal Farm. Harmondsworth : Penguin Books, 1965.
- Rayfield D.* Stalin and his Hangmen. An Authoritative Portrait of a Tyrant and Those Who Serve Him. London : Penguin Group, 2005.
- Sebag Montefiore S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. London : Weidenfeld & Nicholson, 2003.
- Sebag Montefiore S.* Sashenka. New York : Simon & Schuster, 2008a.
- Sebag Montefiore S.* Young Stalin. Toronto : McArthur, 2008b.
- Sebag Montefiore S.* One Night in Winter. London : Century, 2013.
- Service R.* Stalin. A Biography. Harvard : Harvard Univ. Press, 2005.

Shaw G. B. a. o. Letters to the Editor: Social Conditions in Russia [Electronic resource] // The Manchester Guardian. 1933. 2 March. URL: https://www.garethjones.org/soviet_articles/bernard_shaw.htm (accessed: 31.05.2017).

Stalin – Wells Talk: The Verbatim record and a discussion by G. B. Shaw, H. G. Wells, J. M. Keynes, Ernst Toller and others. London : New Statesman and Nation, 1934.

Wells H. G. Experiment in Autobiography. Discoveries and Conclusions of a Very Ordinary Brain. New York : Macmillan, 1934.

Исследования

Brown A. Scourge and poet, a profile of Robert Conquest [Electronic resource] // Guardian. 2003. Saturday 15 February. URL: <http://www.theguardian.com/Arts/Books/Poetry> (accessed: 31.05.2017).

Geduld H. M. Bernard Shaw and Adolf Hitler // The Shaw Review. 1961. Vol. 4, No 1. P. 11–20. Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield (Mass.) : Merriam Co., 1967.

Weintraub S. GBS and the despots [Electronic resource] // Times Literary Supplement. 2011. 22 August. URL: <http://www.the-tls.co.uk/.../george-bernard-shaw-and-the-despots> (accessed: 31.05.2017).

Поступила в редакцию 12.06.2017

Принята к печати 10.10.2017

Красавченко Татьяна Николаевна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21
E-mail: tatianakras@mail.ru

Krasavchenko, Tatiana Nikolayevna

Dr. Hab. (Philology), Senior Research Fellow,
Institute of Social Sciences Information, RAS
51/21, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow,
Russia
Email: tatianakras@mail.ru

FROM MYTH TO REALITY: THE TRADITION OF THE PERCEPTION OF STALIN IN GREAT BRITAIN FROM SHAW AND WELLS TO SIMON SEBAG MONTEFIORE

The subject of this interdisciplinary article is the literary and historiographic tradition of Stalin's perception in Great Britain since the early 1930s to the present time. The trajectory of this tradition is seen as a progression from myth, impressions, illusions of Bernard Shaw and Herbert Wells, to the revelations of Gareth Jones and Malcolm Muggeridge, to sagacious and artistically impressive works of Arthur Koestler and George Orwell, to contemporary historians and writers Robert Conquest, Martin Amis, Donald Rayfield, and Simon Sebag Montefiore, the majority of whose works are based on archival research and examine the image of Stalin from their cultural and civilisational perspectives. Sometimes they create an ambivalent image of Stalin but in general they regard his role in Russian history negatively and see him as a failure, a politician who ruined his people. Was Stalin a great man? According to British philosopher Isaiah Berlin, it does not matter whether a great man is kind or wicked, what matters is that they changed the course of events, and Stalin changed the history of Russia, thus he is a great man. But the course of history was changed by Hitler, and by Gavrilo Princip,

who initiated the First World War, but were they great? The notion of a great man in the Russian cultural context has a positive ethical meaning, and “genius and evil deeds are incompatible” (A. Pushkin).

Key words: British Stalin studies; myth; demythologisation; cultural and civilisational approach.

Brown, A. (2003, February 15). Scourge and Poet, a Profile of Robert Conquest. *Guardian*. Retrieved from <http://www.theguardian.com>Arts>Books>Poetry>.

Geduld, H. M. (1961). Bernard Shaw and Adolf Hitler. *The Shaw Review*, 4, 1, 11–20.

Webster's Seventh New Collegiate Dictionary (1967). Springfield (Mass.): Merriam Co.

Weintraub, S. (2011, August 22). GBS and the Despots. *Times Literary Supplement*. Retrieved from <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/george-bernard-shaw-and-the-despots/>.

Submitted on 12 June, 2017
Accepted on 10 October, 2017